

УДК 94(495).01
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00017

М.А. Руднева

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ*

Статья посвящена рассмотрению особенностей исторического развития топографии одного из крупнейших городов ранневизантийского времени — Александрии Египетской. Выделены проблемы и достижения в исследовании топографии города. На основе комплексного анализа письменных, картографических источников и результатов археологического исследования определены особенности эволюции исторической топографии города в ранневизантийское время. Рациональное использование географического положения города предопределило его развитие в последующие столетия. В ранневизантийское время трансформация городской топографии происходила преимущественно в рамках имеющейся городской площади в силу естественной ограниченности пространства.

Ключевые слова: Александрия, Египет, Поздняя античность, Ранняя Византия, топография, Серапеум.

Сведения об авторе: Руднева Мария Александровна, Белгородский государственный национально-исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: 308015, г. Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: rudneva@bsu.edu.ru.

М.А. Rudneva

THE EVOLUTION OF HISTORICAL TOPOGRAPHY OF EGYPTIAN ALEXANDRIA IN EARLY BYZANTINE TIME

This article examines the topographical features of one of the largest trading cities of the late Roman Empire, Egyptian Alexandria. The problems and achievements of the study of the city's topography are highlighted. On the basis of the complex analysis of written, cartographic sources and the results of archaeological research the peculiarities of the development of topography in the Early Byzantine period are defined. The rational use of the city's geographical position predetermined its development in the next centuries. In the Early Byzantine period the transformation of urban topography took place mainly within the existing urban area due to the natural space limitation.

Key words: Alexandria, Egypt, Late Antiquity, Early Byzantium, topography, Serapeum of Alexandria.

About the author: Rudneva Mariya Aleksandrovna, Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: 308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: rudneva@bsu.edu.ru.

* Статья поступила в номер 29 июля 2020 г.
Принята к печати 10 августа 2020 г.

Тема данной работы связана с попыткой систематизации и обобщения процесса развития исторической топографии одного из крупнейших городов Восточно-Римской империи — Александрии Египетской. Город был основан Александром Македонским в 330-х гг. до. н.э. и к ранневизантийскому времени представлял собой не только крупнейший социально-экономический, транспортный и административный центр, но и был мощным «плавильным котлом наций», средоточием бурной интеллектуальной жизни, местом возникновения и развития уникальных культурных феноменов. Однако исследование топографии Александрии затруднено, поскольку к настоящему моменту археологический комплекс города доступен для изучения лишь фрагментарно.

О.Г. Ребизов отмечает, что на постепенном угасании Александрии в раннем средневековье сказался ряд природно-климатических и антропогенных факторов, таких как: высокая сейсмическая активность, военные действия и конфликты, негативные для города геополитические изменения и конкуренция со стороны Фустата после арабского завоевания Египта, что в итоге привело к постепенному угасанию былой мощи Александрии (Ребизов 2011: 119—137). К XVIII в. Александрия сильно запустела, городские стены местами обрушились, что в разные года было зафиксировано путешественниками, а также учеными, сопровождавшими Наполеона в Египетском походе (1798—1801) (Петрунина 2008: 115—122). Изменение положения города и его новый расцвет связаны с правлением Мухаммеда Али (1805—1849). Строительство крупного морского порта способствовало быстрому развитию Александрии в XIX—XX вв. Новые постройки перекрыли место расположения исторических памятников. В 1916 г. были выстроены два волнолома, затруднивших изучение Александрийского порта (Белов 2009: 32—53).

Важную роль в изучении топографии древнего города имело составление карт. Один из первых опытов составления карты Александрии был представлен лейтенантом французского флота по фамилии Масси в 1699 г. На карте были достаточно четко обозначены городские гавани (Белов 2009: 32—53). В 1872 г. был опубликован план Александрии, созданный ещё в 1866 г. египетским географом М. Эль-Фалаки. Исследователи считают его достаточно точным, несмотря на некоторую критику (Empereur 1999: 25). Воссоздать топографический план Александрии стремился также греческий ученый Т.Д. Ндрутос.

Многие известные исследователи стремились изучить руины древней Александрии, в том числе Д.Дж. Хогарт, Г. Шлиман и др. Тем не менее, в конце XIX — начале XX вв. не наблюдалось устойчивого интереса к изучению римского периода существования Александрии. Начало систематического изучения древнего мегаполиса выросло, прежде всего, из результатов Египетского похода Наполеона. Французскими учеными была собрана обширная коллекция материалов, положивших начало созданию Института Египта. В 1859 г. было открыто первое публичное собрание греко-римских древностей Александрии (Kuriakos, Bianchi 2012: 11). Его коллекции росли благодаря частным пожертвованиям, но этот процесс был прерван в 1878 г.: Институт перевели в Каир, отдельные коллекции были переданы в европейские музеи.

В 1892 г. был создан Греко-римский музей Александрии, при активном участии итальянского археолога Дж. Ботти (1853—1903) и британского консула сэра Ч. Куксона (1835—1906). Первый каталог музея был опубликован в 1893 г. (Seif El-Din 2010: 7—9). В этом же году было основано Общество археологии Александрии. В 1898 г. был опубликован первый том Вестника археологического общества Александрии (Mahmoud 2012: 85—89). С тех пор музеем ведется планомерная работа по систематическому исследованию города, в которой большую роль сыграли ученые, занимавшие пост директора музея в разные годы: Дж. Ботти (1892—1903), Э. Бречча (1904—1932), А. Адриани (1932—1940), А. Роу (1947—

1953), М. Сейф ад-Дин (2004—2010). На базе музея работали группы итальянских, английских, немецких ученых. Но наибольшие успехи в данной области с работой польских исследователей.

Одним из основателей регулярных археологических изысканий в Александрии стал польский ученый, профессор Варшавского университета К. Михайловский (1901—1981), приглашенный для проведения работ в 1958 г. Под его руководством в 1960-е г. сотрудниками Польской археологической миссии в Каире было начато изучение квартала Ком-эль-Дикка (Lorenz 1981: 5—52), в центре современного города. Были сделаны важные открытия, в том числе, обнаружены комплексы общественных зданий позднеримского времени, включающие термы, лекционные аудитории, театр и др. В 2017 г. в Ком-эль-Дикка был открыт Археологический парк, автором проекта которого стал польский исследователь и архитектор В. Колотай, много лет (в 1966—1972 и 1984—2001) руководивший Польско-египетской миссией сохранения археологического наследия.

В последние десятилетия возможности изучения истории Александрии дополняются развитием подводной археологии (Ребизов 2011: 119—137). Дж. Маккензи отмечает, что данные подводной археологии подтверждают сведения, полученные ранее в процессе работ на суше и изучения письменных источников, расширяют их в некоторой степени, но не являются базовыми (McKenzie 2003: 35—63). Лишь совокупность изучения письменных свидетельств, результатов анализа картографического материала, археологических изысканий на суше и в прибрежной зоне, способна пролить свет на особенности развития топографии Александрии в целом.

Древний город Александрия находился в Восточном Средиземноморье, поблизости от точки соприкосновения двух континентов. Город был построен на склоне холма, спускавшегося к Средиземному морю от оз. Мареотис, в одном из немногих благоприятных мест среди достаточно болотистой местности. Фундамент городских построек расположен на достаточно ровном слое известняка, шириной в среднем около 1 км, протянувшемся с перерывами вдоль побережья моря от Канопы примерно на 56 км в западную сторону (Haas 1997: 21). Близость Нила обеспечила наличие транспортной связи места с внутренними регионами Египта, а его расположение на берегу моря и выгодное стратегическое положение позволили наладить эффективную морскую навигацию.

Город специально был построен на открытой местности, доступной для ветров, приносящих свежесть и прохладу. Благодаря этому в месте расположения города был достаточно мягкий климат, который неоднократно отмечали авторы письменных источников, в том числе Диодор Сицилийский: «Благодаря искусному расположению улиц город открыт этесиям, которые дуют с моря, принося с собой прохладу, и делают здешний климат умеренным и здоровым» (Diod., XVII, 52, 2). В 50% случаев ветры и зыби двигались на местность с северо-запада, от 70 до 90% случаев — с июня по сентябрь. Потоки ветров с северо-востока охватывали 20—30% случаев с октября по май (McKenzie 2003: 35—63).

Мол Гептастаций, построенный в 280—270 гг. до н.э. и соединяющий о. Фарос с материком, разделив естественную гавань на две части, обеспечивал круглогодичную защиту от различных направлений ветра. Название Гептастаций дамба получила в связи со своей длиной, которая составляла около 7 стадий (приблизительно 1200 м) (Белов 2009: 32—53). Эта дамба соединяла о. Фарос, расположенный приблизительно в километре от берега, с материком (McKenzie 2003: 35—63). Чтобы улучшить небольшие естественные гавани, были добавлены волнорезы и причалы. Как указал Страбон в 26—20 гг. до н.э., естественная гавань была «разрезана на несколько гаваней» (Strabo, XVII, 1, 6).

До недавнего времени Гептастадий был заилен настолько, что его первоначальное местонахождение было неизвестно до работы А. Гессе и его команды, применивших новые методы геофизических измерений (Hesse 2002: 191—273). Они обнаружили, что ориентация Гептастадия соответствовала древней городской сетке, которую начертил египетский астроном Махмуд-Бей в 1866 г. Однако, египетский учёный придал гавани другую форму, основываясь, прежде всего, на древних данных о положении водных каналов, по-видимому, ведших к Гептастадию (Strabo, XVII, 1, 6). Обширные затопленные портовые сооружения, проходящие вдоль севера острова Фарос, были подробно описаны главным инженером портов Египта Г. Жондетом в 1911—1915 гг. У самого северного волнореза длиной 2,4 км были проделаны регулярные отверстия для предотвращения заиления, что также обеспечило защиту второго волнореза, параллельного этому. Третья параллель — южный волнорез, как считал Г. Жондет, образовывала рукотворную гавань длиной около 1,2 км и шириной около 200—400 м.

В топографии Александрии Египетской доминирующее место занимали гавани. Использование гаваней могло начаться еще до основания Александрии. В соответствии с информацией Страбона (Strabo, XVII, 1, 6), Ракотис была «в то время деревней»; подобные сведения приводит и Плиний (Plin. NH, V, 11, 62). Однако, подобное понимание может быть и ошибочным, поскольку название Ракотис могло означать не собственное название населенного пункта, а наименование города на определённой стадии его строительства (McKenzie 2003: 35—63).

Главной гаванью была так называемая Большая гавань. Она располагалась с северо-восточной стороны, её стороны образовывались полуостровом под названием Лохиада и Гептастадием. Вторая гавань — Эвност («счастливое возвращение») была расположена западнее и соединялась с меньшим речным портом на острове Мареотис. Один из сети каналов завершался искусственным портом, представлявшим часть гавани Эвност. Этот порт был прямоугольной формы, от которой он получил название — Кибот. На острове Фарос располагался знаменитый Александрийский (Фаросский) маяк.

Реконструкция плана Александрии и его морфологических изменений является довольно сложной задачей. Взаимосвязь между географическим положением и социально-экономическим развитием в планировке города усиливалась благодаря рациональному использованию пространства и возможностей рельефа. Город был построен при участии архитекторов Динократа с Родоса и Сострата из Книда (Зайцева 2018: 222—226). Планировка города была составлена в соответствии с Гипподамовой системой, в которой улицы проходят под прямым углом друг к другу, образуя сетку. Основу плана Александрии составляли две широкие осевые улицы (более 30 м шириной), обрамленные колоннами. Главные улицы перекрещивались под прямым углом с многочисленными менее крупными улицами. Длина города составляла около 30 стадий (свыше 5 км), в то время как ширина насчитывала порядка 7—8 стадий (ок. 1,5 км).

В городе преобладал единообразный ландшафт, перекрываемый в ранневизантийское время новыми культурными наслоениями. Болотистость местности обуславливала необходимость строительства отводных каналов, впадающих в море.

В начале 1860-х гг. М. Эль-Фалаки составил план городских улиц и написал подробный текст, сопровождающий его карту 18. На этой карте он отметил места, где сохранились тротуары или колонны, установил систему нумерации улиц. М. Эль-Фалаки определил, что эти данные относятся преимущественно к римскому времени. Также он отметил хорошо сохранившееся дорожное покрытие для основных продольных (E—W) улиц, L 1, L2, L3, L'2 и L'4; и для главных перекрестных (N—S) улиц, R1, R2, R3, R5, R6, R7, R2^{bis} и R3^{bis}.

Расположение большинства этих улиц было подтверждено в результате раскопок в XIX—XX вв. (McKenzie 2003: 35—63). Ф. Ноак подтвердил местонахождение L2, R1, R2 и R3 в районе царского квартала. Доказательства существования улиц R2^{bis}, R4, R5 и L'2 были найдены Э. Бречча и А. Адриани. Линии некоторых из этих улиц сохранились в облике современного города. Совокупность этих археологических свидетельств и сетки, нарисованной М. Эль-Фалаки, указывают на существование сети улиц в ранневизантийское время. В отличие от ранневизантийского времени, улицы времён Птолемеев зафиксированы в значительно меньшей степени. В связи с этим, исследование эволюции городского пространства значительно осложнено. Тем не менее, не вызывает сомнения, что основной план городской сети улиц был создан в период Птолемеев, а изменения в более поздние периоды происходили в пределах этих крупных «блоков».

Относительно длины главных улиц, в плане М. Эль-Фалаки представлена информация о том, что Канопский проспект, пересекающий город с востока от Ворот Солнца на запад до Ворот Луны, имел длину около 2300 м. Диодор Сицилийский сообщает, что улица имела длину в 40 стадий (ок. 6960 м), а ширину в один плетр (30 м). Здесь же он пишет о том, что вся она «застроена роскошными зданиями и храмами» (Diod., XVII, 52, 3). Вторая главная улица проходила перпендикулярно Канопу, на пересечении главных улиц находилась площадь — Месопедион (Haas 1997: 24). Эти две улицы делили город на четыре квартала, а пятый, скорее всего, квартал с преимущественным населением из иудеев, находился за стеной (Fraser 1972: 82).

Сирийская *Notitia Urbis Alexandrinae*, информация в которой восходит к греческим источникам IV в., указывает на общее количество зданий, портиков, бань и прочих построек с распределением по кварталам (Fraser 1951: 103—108). Статистический материал указывает на большое количество храмов города и на закономерность в их расположении, согласно которой в одних кварталах было больше святилищ и храмов. Более 67% храмов были расположены всего в двух четвертях кварталов Гамма и Дельта. В квартале Гамма насчитывалось 855 храмов и относительно мало домов (2140). Вместе с тем, общее количество храмовых построек могло включить в себя и частные святилища (Haas 1997: 142).

Согласно сведениям источников и предположениям исследователей, кварталы Александрии имели некоторые особенности в плане этно-конфессионального разделения. Однако о какой-либо определенности в данном вопросе сложно говорить, учитывая состояние источников. В эллинистическое время египетское население предпочитало селиться в районе Ракотис, где находился Серапеум — храм главного божественного покровителя города, синкретического божества Сераписа. Греческое население селилось в центре города, в квартале В, примыкавшем к Большой гавани. Этот квартал получил название Брухейон, его называли Царским кварталом, поскольку там располагались дворцовые комплексы, театр, Мусейон и, вероятно, «сома» или «сема» — гробница Александра Македонского. Этот квартал сильно пострадал в результате военного конфликта 270-х гг., связанного с римско-пальмирской войной после присоединения Египта царицей Пальмиры Зенобией в 267 г. Войска императора Аврелиана в августе 271 г. вошли в Александрию и вернули город под власть империи, однако, на этом конфликт не был исчерпан. Разгорелось противостояние между сторонниками и противниками римлян, а в Александрии вспыхнуло восстание под предводительством Фирма, имевшего торговые связи с блеммиями и Пальмирой. Участники восстания были осаждены в Брухейоне. Во время императорского правления Констанция II (337—361) отдельное пространство бывшего царского квартала Брухейона было отведено под церковное строительство.

Одним из наиболее грандиозных культовых сооружений Александрии являлся храм синкретического бога Сераписа — Серапеум, построенный на естественном возвышении. Мемориальные доски датируются временем Птолемея III Эвергета (246—221 гг. до н.э.). К настоящему времени сохранились колоннадный двор и некоторые части архитектурных сооружений. Археологические находки, обнаруженные А. Роу, свидетельствуют о том, что у храма было два основных периода существования: эллинистический птолемеевский и римский. К эпохе Птолемеев относятся стены из известкового пепла с каменным основанием. Они весьма отличаются от бетонного фундамента римской эпохи, состоящего из небольших неправильных кусочков известняка, связанных цементом. Аксонометрические реконструкции обеих археологических фаз были подготовлены С. Гибсоном на основе планов и выводов, сделанных в результате подробного анализа археологических свидетельств. Алтарь, найденный на месте расположения храма, указывает на его существование в начале правления Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н.э.). Позже Птолемей IV Филопатор (221—205 гг. до н.э.) добавил небольшой храм в честь Гарпократа рядом с храмом Птолемея II. Анализ фундамента колоннады двора и храма, тем не менее, обнаруживает их принадлежность ко времени Птолемея III. Этот период бытования продолжался до 181 г. н.э., когда письменные источники сообщают, что храм был сожжен (Clem. Alex. Protrept., IV, 48, 50, 53; Chron., а. 181 (240 Olymp.)). Дж. Маккензи также указывает, что часть комплекса была перестроена в I в., но при этом нет никаких доказательств того, что храм был уничтожен во время иудейского восстания в 115—116 гг. (McKenzie 2003: 35—63).

На римских монетах изображался храм эпохи Птолемеев. Монеты показывают, что Серапеум, в котором находилась культовая статуя Сераписа, имел коринфские капители и дорический фриз. Храм и небольшие стои были расположены симметрично по обе стороны от оси колоннадного двора. Птолемеевский Серапеум имел сочетание греческих и египетских черт (McKenzie 2003: 35—63).

В римскую эпоху Серапеум был перестроен между 181 и 217 гг. Храм имел достаточно большую площадь. Сохранился бетонный фундамент и части гранитных колонн (Rowe 1946: 60). Колоннадный двор был расширен на восточной стороне, через улицу R8. Двор с колоннами был продлен на север. Лестница, ведущая к колоннадному двору, достаточно ясно просматривается, как и фрагменты классических красно-гранитных карнизов входного портика. Нилометр времени Птолемеев был перекрыт лестницей; римский нилометр не был найден (Weiss, Talgam 2002: 67—72). В труде Диона Кассия, дошедшем до настоящего времени по эпитоме Иоанна Ксифилина, сообщается, что храм Сераписа был наполнен великим огнем, который не мог повредить его (Dio Cass., LXXIX, 7, 3). Несмотря на то, что эта история относится к разряду чудес, она подразумевает, что храм был восстановлен к тому времени.

В 298 г. по улице R8 близ храма была возведена колонна Диоклетиана. Комплекс сохранился до разрушения храма христианами в 391 или 392 г. Когда «нечестивые святилища» были снесены до основания, «на могиле Сераписа» с одной стороны был построен храм Иоанна Предтечи (Ruf. HE, XI, 28), а с другой — церковь (Ruf. HE, XI, 27). Созомен же пишет, что храм Сераписа был через некоторое время «обращен в церковь, названную по имени Аркадия» (Sozom. HE, VII, 15). Иоанн Никиусский сообщает, что на месте разрушенного Серапеума была построена церковь (Joh. Nikiu. Chron., LXXVIII, 45).

Одним из наиболее важных в исследовании топографии ранневизантийского времени является комплекс Ком-эл-Дикка. Первые, достаточно ограниченные, раскопки были проведены здесь в конце XIX в. и принесли скудные результаты. Позже работа на окраине

холма была ограничена исследованием средневековых слоев (Kolataj, Majcherek, Parandowska 2007: 7). С 1960 г. ученые из Польского центра средиземноморской археологии занимались раскопками этого района, расположенного на южной стороне главной улицы E—W к югу от Царского квартала и обелисков Клеопатры. В современной Александрии археологический памятник расположен в центре города, рядом с главным железнодорожным вокзалом Мисра. Первоначально К. Михайловский считал, что в этом месте могла располагаться гробница Александра Македонского. Однако, более тщательное исследование позволило обнаружить фрагменты древней сетки улиц, колоннады, домов II и III вв., комплекс римских бань IV века, включающий цистерны, портики и комнаты; небольшой позднеимперский театр, византийский жилой комплекс и многие другие элементы городской архитектуры (Naas 1997: 155). В городском квартале были расположены богатые виллы греческого типа. Здания были разрушены или повреждены в конце III в., возможно, в результате землетрясений и/или во время военных вторжений, и были оставлены в первой половине IV в. (Kiss 1993: 262—263). В середине IV в. это место было полностью перестроено, здесь расположились общественные здания. Новая улица рядом с «Малым театром» была построена над некоторыми домами, хотя и с соблюдением ориентации на городскую сеть улиц.

«Малый театр» состоял из двух частей (Makowiecka 1971: 479—483). В 500 г. здание было значительно реконструировано (Vaitu 1983: 7—12). Конструкция сцены была снесена, сооружена крыша, здание продлено. Это археологическая фаза существования театра завершает его существование примерно во второй половине VII в. Граффити из театра содержат информацию о функционировании фракций ипподрома в VI—VII вв. Одно из граффити демонстрирует не менее девяти колесниц, которые можно отождествить с зеленой или синей фракциями (Naas 1997: 65). Существование фракций в ранневизантийское время подтверждается данными письменных источников, например, автор «Хроники» Иоанн Никиусский упоминает о противостоянии фракций цирка, отмечая их политическую роль (Joh. Nikiu. Chron., СШ, 108).

На южной стороне комплекса Ком-эль-Дикка находятся длинные узкие комнаты, построенные из каменной кладки. Они датируются на основе анализа керамики V—VII столетиями. Очевидно, что это были классные комнаты или лекционные залы (аудитории). Эти здания стали первым археологическим свидетельством существования образовательных учреждений в ранневизантийской Александрии (Kiss 1990—1992: 331—336). Залы включают по три или четыре ряда мест, каждый зал мог вместить в целом от 60 до 80 человек (Majcherek 2007: 471—484). Согласно мнению Э. Уоттса, особенности формирования пространства зала могут свидетельствовать о том, что в лекционных аудиториях ученики — представители разных этно-конфессиональных групп — сидели совместно, что является аргументом в пользу выводов о религиозной терпимости образовательной среды Александрии (Watts 2006: 205). Также исследователь выдвинул версию о том, что именно в этом месте могла располагаться школа, где произошел знаменитый инцидент в 480-х гг., приведший к разрастанию межконфессионального конфликта и нанесший весомый удар по положению языческих учителей в городе (Watts 2010: 17). Даже если эта гипотеза не соответствует действительности, археологический объект позволяет визуализировать образовательное пространство города. Комплекс включал классные комнаты, уборную и крытый коридор, соединяющий помещения. Такая простая, но функциональная модель образовательного пространства представляется типичной для ранневизантийского времени.

Ещё одним значительным объектом, демонстрирующим эволюцию топографии ранневизантийской Александрии, является ипподром. Место его расположения находилось к юго-востоку от Серапеума и было известно до конца XIX в. К тому времени оно было в

основном застроено. Археологические свидетельства на месте расположения ипподрома были обследованы учеными из экспедиции Наполеона в XVIII в. Как на плане французских ученых, так и в плане А. Роу отмечено, что в своём расположении ипподром следовал плану городской сетки. Дж. Хамфри отметил, что узость трассы говорит о том, что она, вероятно, восходит к эллинистическому времени (Humphrey 1986: 506, 508—509). Источники указывают, что это был Лагейон (Lageion, Λαγείον) — название восходит к прозвищу основателя династии Птолемеев в Египте диадоху Птолемею Лагу, позже принявшему титул Птолемея I Сотера (323—282 гг. до н.э.). Комплекс использовался как стадион (для спортивных мероприятий и шествий) и как ипподром (для скачек). Остатки разделительного барьера римской археологической фазы, найденные участниками наполеоновской экспедиции, указывают, что арена была превращена в цирк для скачек на колесницах, но никаких следов существования начальных ворот не было обнаружено. Исследования французских ученых указывают на то, что сооружение имело общую длину около 615 м. Дж. Хамфри предложил пересмотренный план для ранневизантийского времени, предположив, что длина сооружения составляла около 450 м (Humphrey 1986: 507—508). Остатки каменных сидений, найденные к югу от комплекса Серапеума, увеличивают вероятность того, что общая длина Лагейона была не менее 530 м (McKenzie 2003: 35—63). Аксонометрический чертеж, созданный Дж. Маккензи на основе материалов С. Гибсона, облегчает понимание относительного размера и положения Серапеума и Лагейона.

Широко известна система водоснабжения Александрии, включавшая сеть подземных водостоков, водоводов, цистерн и канализационных сооружений. Эта система обеспечивала функционирование жизни города, а также предоставляла возможности для сооружения общественных терм. Большие общественные бани с видом на улицу R4 были построены в конце IV в. как часть той же крупной конструкции, что и «Малый театр». Бани позднеимперского времени были построены из обожженного кирпича и имели три основные этапа строительства (Kołataj 1992: 179—186). Комплекс имел симметричный прямоугольный план средиземноморского типа с некоторыми африканскими чертами. Первое восстановление произошло после землетрясения 447 г., большие бассейны были заменены несколькими маленькими. Здание, похоже, было повреждено также в результате землетрясения 535 г., после чего оно было перепроектировано с преобразованием в кальдарий, который использовался для горячих и холодных ванн. Печи были приспособлены к местному топливу из соломы и тростника; заключительный этап существования продлился до начала VII в. Бани снабжались водой из цистерн, находившихся южнее. Эти цистерны были установлены над землей, чтобы обеспечить достаточное давление для снабжения бань (Rodziewicz 2009: 191—201). Они были построены в IV в. и восстанавливались как минимум дважды.

Улицы позднеимперского периода содержат данные об их приблизительном размере, с учетом морфологических изменений. Улица R4 имеет среднюю ширину 4,5 м, «Театральная улица» с колоннами — 7,5 м, что, в целом, подтверждает сообщения источников относительно масштаба александрийских улиц в это время (Damir 2018: 273—288).

К востоку от улицы R4 были в конце III в. разрушены богатые виллы, которые не были заменены общественными зданиями, как это было на другой стороне улицы; вместо этого, в начале IV в. их сменило более дешевое жилье и мастерские, существовавшие до середины VII в. Эти постройки ранневизантийского времени несут на себе следы социально-экономической специализации. Археологические материалы подтверждают наличие строений, объединенных коммерческими мотивами. В частности, ряд построек мог принадлежать людям, занимавшимся стекольным делом.

Несколько соседних жилых помещений в этом месте были переделаны в производственные помещения. Данные их изучения свидетельствуют о том, что здесь вели деятельность по изготовлению и продаже украшений. Наиболее хорошо сохранившийся дом включал от 11 до 14 небольших комнат, не более 6 м стороной, расположенных вокруг скромного двора. Более просторное помещение использовалось в качестве кабинета. Напротив, через дорогу от этого здания, находился ряд небольших эргастриев, один из которых включал печи, используемые в производстве объектов из стекла. Хотя масштабы этой коммерческой деятельности были небольшими, производство находилось на высоком уровне. Были обнаружены стекольные формы из гранита и известняка, а также стеклянные формы незавершенных бусин (Haas 1997: 34).

Большое значение для всего региона имели оборонительные сооружения, которые охраняли единственный сухопутный подход к Александрии с запада. М. Эль-Фалаки проследил путь стены, которая пересекает весь хребет Таэния, от Средиземного моря до озера. Названный «стеной варвара», он включал вадии (сухое русло реки), идущее вниз к озеру, создавая масштабный комбинированный барьер из рва и стены. У него были одни ворота, которые служили для охраны древней дороги из Александрии в Киренаику. Оборонительные сооружения на озере являлись не менее впечатляющими (Haas 2001: 47—62).

Таким образом, Александрия была построена с учетом рационального использования преимуществ географического положения, начиная от создания водной транспортной системы, объединявшей речные и морские пути, строительства гаваней и портовых сооружений, оформления городского плана строительства, что предопределило гармоничное развитие города, находящегося на небольшом благоприятном участке, имеющем естественные границы.

Развитие городской топографии происходило преимущественно в процессе трансформации основной территории города. Исследование городской топографии Александрии представляет собой крайне сложный, многомерный процесс, который в настоящее время еще весьма далек от завершения.

Литература

- Белов А.А. 2009. Большой порт греко-римской Александрии по современным археологическим данным. В: Шеркова Т.А. (ред.). *Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье*. Москва: ЦЕИ РАН, 32—53.
- Зайцева И.В. 2018. Особенности исторической топографии Александрии Египетской. *НВБелГУ* 2, 222—226.
- Петрунина Ж.В. 2008. Египетский поход Наполеона: опыт европейского правления на Ближнем Востоке. *Ученые записки Российского государственного социального университета* 1(57), 115—122.
- Рибизов О.Г. 2011. Археологические исследования в Александрии Египетской: проблемы и перспективы. *Христианское чтение* 5, 119—137.
- Baity J.-C. 1983. Le 'bouleuterion' de l'Alexandrie severienne. *Études et Travaux* 13, 7—12.
- Damir M. 2018. Uncovering the Morphology of Kom ad-Dikka in Alexandria. *Heritage* 1, 273—288.
- Empereur J.-Y. 1999. *Alexandria Rediscovered*. London: British Museum Press.
- Fraser P.M. 1972. *Ptolemaic Alexandria*. Vol. I—III. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Haas C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. In: Burns T.S, Eadie J.W. (eds.). *Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity*. Michigan: Michigan State University Press, 47—62.
- Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

- Hesse A. 2002. L'Heptastadium d'Alexandrie (Egypte). *Alexandrina 2. Etudes Alexandrines* 6, 191—273.
- Humphrey J. 1986. *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing*. Berkeley: University of California Press.
- Kiss Z. 1990-1992. Les auditoria romains tardifs de Kom el-Dikka (Alexandrie). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 33, 331—336.
- Kołataj W. 1992. Imperial Baths at Kom el-Dikka. *Alexandrie* 6, 179—186.
- Kolataj W. 1983. Recherches architectoniques dans les thermes et le theatre de Kom el-Dikka a Alexandrie. In: Grimm G., Heinen H., Winter E. (eds.). *Das romisch-byzantinische Agypten 2*. Mainz: P. von Zabern, 189—194 (Aegyptiaca Treverensia).
- Kolataj W., Majcherek G., Parandowska E. 2007. *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Kyriakos S., Bianchi R.S. 2012. *Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum*. Alexandria: Bibliotheca Alexandrina.
- Lorenz S. 1981. In memoriam. *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie* 25, 5—52.
- Mahaffy J.P. 1899. *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London: Methuen & Co.
- Mahmoud S. 2012. The development of archaeological and historical museums in Egypt during the nineteenth and twentieth centuries: Imperialism, Nationalism, UNESCO patronage, and Egyptian Museology today. PhD Thesis. Lubbock.
- Majcherek G. 2007. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria. In: Gagos T. (ed.). *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology*. Ann Arbor, July 29 — August 4, 2007. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 471—484.
- Makowiecka E. 1971. The numbering of the seating places at the Roman theatre of Kom el-Dikka in Alexandria. *Acta Conventus XI*, 479—483.
- McKenzie J. 2003. Glimpsing Alexandria from archaeological evidence. *Journal of Roman Archaeology* 16, 35—63.
- Ndroutos Bey T.D. 1888. *L'Ancienne Alexandrie. Etude archeologique and topographique*. Paris: Ernest Leroux.
- Rodziewicz M. 2009. Ancient Baths in Alexandria. In: Boussac M.-Fr, Fournet Th., Redon B. (eds.). *Le bain collectif en Égypte, origine évolution et actualités des pratiques. Actes du colloque Balnéorient. Alexandrie, 1-4 décembre 2006*. Cairo: Institut Français d'Archéologie Orientale; Institut Français du Proche-Orient, 191—201 (Etudes Urbaines 7).
- Rowe A. 1946. *Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria: With an explanation of the enigmatical inscriptions on the Serapeum plaques of Ptolemy IV (Plâques bilingues de Ptolémée IV). Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte*. Cahier No. 2. Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale.
- Seif El-Din M. 2010. The Greco-Roman Museum of Alexandria, Past, Present, and Future. *Bibliotheca Alexandrina Alex Med Newsletter* 7, 7—9.
- Fraser P.M. (ed.). 1951. Syriac Notitia Urbis Alexandrinae. *Journal of Egyptian Archaeology* 37, 103—104.
- Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. *The Transformation of the Classical Heritage* 41.
- Watts E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*. Berkeley: University of California Press.
- Weiss Z., Talgam R. 2002. The Nile Festival Building and its mosaics. In: Humphrey J.H. (ed.). *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3. *Late-Antique Petra*. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 67—72 (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 49).

References

- Belov, A.A. 2009. In: Sherkova, T.A. (ed.). *Kul'tura Egipta i stran Sredizemnomor'ya v drevnosti i srednevekov'ye (The culture of Egypt and the Mediterranean countries in antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: TSEI RAN, 32—53 (in Russian).
- Zaytseva, I.V. 2018. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific reports of Belgorod State University)* 2, 222—226 (in Russian).
- Petrulina, Zh.V. 2008. In *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta (Scientific notes of the Russian State Social University)* 1(57), 115—122 (in Russian).
- Rebizov, O.G. 2011. In *Khristianskoye chteniye (Christian Reading)* 5, 119—137 (in Russian).

- Baity, J.-C. 1983. Le 'bouleuterion' de l'Alexandrie severienne. *Études et Travaux* 13, 7—12.
- Damir, M. 2018. Uncovering the Morphology of Kom ad-Dikka in Alexandria. *Heritage* 1, 273—288.
- Empereur, J.-Y. 1999. *Alexandria Rediscovered*. London: British Museum Press.
- Fraser, P.M. 1972. *Ptolemaic Alexandria*. Vol. I—III. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Haas, C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. In: Burns, T.S, Eadie, J.W. (eds.). *Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity*. Michigan: Michigan State University Press, 47—62.
- Haas, C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.
- Hesse, A. 2002. L'Heptastadium d'Alexandrie (Egypte). *Alexandrina* 2. *Etudes Alexandrines* 6, 191—273.
- Humphrey, J. 1986. *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing*. Berkeley: University of California Press.
- Kiss, Z. 1990-1992. Les auditoria romains tardifs de Kom el-Dikka (Alexandrie). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 33, 331—336.
- Kołątaj, W. 1992. Imperial Baths at Kom el-Dikka. *Alexandrie* 6, 179—186.
- Kolataj, W. 1983. Recherches architectoniques dans les thermes et le theatre de Kom el-Dikka a Alexandrie. In: Grimm, G., Heinen, H., Winter, E. (eds.). *Das romisch-byzantinische Agypten* 2. Mainz: P. von Zabern, 189—194 (Aegyptiaca Treverensia).
- Kolataj, W., Majcherek, G., Parandowska, E. 2007. *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Kyriakos, S., Bianchi, R.S. 2012. *Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum*. Alexandria: Bibliotheca Alexandrina.
- Lorenz, S. 1981. In memoriam. *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie* 25, 5—52.
- Mahaffy, J.P. 1899. *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London: Methuen & Co.
- Mahmoud, S. 2012. The development of archaeological and historical museums in Egypt during the nineteenth and twentieth centuries: Imperialism, Nationalism, UNESCO patronage, and Egyptian Museology today. PhD Thesis. Lubbock.
- Majcherek, G. 2007. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria. In: Gagos, T. (ed.). *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology*. Ann Arbor, July 29 — August 4, 2007. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 471—484.
- Makowiecka, E. 1971. The numbering of the seating places at the Roman theatre of Kom el-Dikka in Alexandria. *Acta Conventus* XI, 479—483.
- McKenzie, J. 2003. Glimpsing Alexandria from archaeological evidence. *Journal of Roman Archaeology* 16, 35—63.
- Ndroutos Bey, T.D. 1888. *L'Ancienne Alexadrie. Etude archeologique and topographique*. Paris: Ernest Leroux.
- Rodziewicz, M. 2009. Ancient Baths in Alexandria. In: Boussac, M.-Fr, Fournet, Th., Redon, B. (eds.). *Le bain collectif en Égypte, origine évolution et actualités des pratiques. Actes du colloque Balnéorient. Alexandrie, 1-4 décembre 2006*. Cairo: Institut Français d'Archéologie Orientale; Institut Français du Proche-Orient, 191—201 (Etudes Urbaines 7).
- Rowe, A. 1946. *Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria: With an explanation of the enigmatical inscriptions on the Serapeum plaques of Ptolemy IV (Plâques bilingues de Ptolémée IV). Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte*. Cahier No. 2. Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale.
- Seif El-Din, M. 2010. The Greco-Roman Museum of Alexandria, Past, Present, and Future. *Bibliotheca Alexandrina Alex Med Newsletter* 7, 7—9.
- Fraser, P.M. (ed.). 1951. Syriac Notitia Urbis Alexandrinae. *Journal of Egyptian Archaeology* 37, 103—104.
- Watts, E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. *The Transformation of the Classical Heritage* 41.
- Watts, E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*. Berkeley: University of California Press.
- Weiss, Z., Talgam, R. 2002. The Nile Festival Building and its mosaics. In: Humphrey, J.H. (ed.). *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3. *Late-Antique Petra*. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 67—72 (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 49).